

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.111-120

Ю. С. Поваров*

Механизм исцеления сделки, совершенной под влиянием заблуждения, при согласии контрагента на сохранение ее силы

Аннотация. В статье комплексному анализу подвергается закрепленный в п. 4 ст. 178 ГК РФ механизм исцеления сделки, который имеет обширную область применения и выступает проявлением принципов добросовестности и стабильности договора. Повышенное внимание уделяется исследованию дискуссионного вопроса о юридико-фактической основе исцеления сделки, совершенной под влиянием заблуждения, в связи с изъявлением контрагентом заблуждавшегося лица согласия на сохранение силы сделки на измененных условиях. Автор исходит из необоснованности трактовки реабилитационного механизма как договорного (пункт 4 ст. 178 ГК РФ посвящен изменению условий сделки под контролем и при содействии суда; это, однако, не исключает возможности внесудебного пересмотра договорных положений по соглашению сторон). Доказывается рациональность ретроактивности действия обновленных условий сделки, но в качестве общего, а не исключительного правила (оправданным, по мнению автора, будет признание за судом возможности распространить действие преобразовательного решения полностью или в части на будущее время). Исследование вопроса о сопряжении норм п. 4 ст. 178 и ст. 157.1 ГК РФ завершается выводом о неуместности квалификации согласия контрагента заблуждавшейся стороны в качестве разновидности одобрения (в смысле ст. 157.1 ГК РФ).

Ключевые слова: заблуждение; исцеление (конвалидация) недействительной сделки; ничтожная сделка; оспоримая сделка; принцип добросовестности; принцип стабильности договора; согласие на сохранение силы сделки; изменение договора; обратная сила акта; согласие на совершение сделки.

Для цитирования: Поваров Ю. С. Механизм исцеления сделки, совершенной под влиянием заблуждения, при согласии контрагента на сохранение ее силы // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 1. — С. 111–120. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.111-120.

© Поваров Ю. С., 2025

* Поваров Юрий Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева
Московское шоссе, д. 34, г. Самара, Российская Федерация, 443086
povus@mail.ru

The Mechanism for Convalidation of a Contract entered into due to Misrepresentation, with the Consent of the Counterparty to Maintain its Force

Yuri S. Povarov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Civil and Entrepreneurial Law, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, Russian Federation
povus@mail.ru

Abstract. The paper scrutinizes the mechanism for a contract convalidation, enshrined in paragraph 4 of Article 178 of the Civil Code of the Russian Federation, which has a wide scope of application and is a manifestation of the principles of good faith and stability of contract. Particular attention is given to the study of a controversial issue as to legal and factual basis for the convalidation of a contract concluded due to misrepresentation, when the counterparty of the person in representation expresses their consent to maintain the validity of the contract under the changed terms. The author proceeds from the grounds that the interpretation of the rehabilitation mechanism as contractual is unfounded (clause 4 of Article 178 of the Civil Code of the Russian Federation is devoted to changing the terms of a contract under the control and with the assistance of the court; this, however, does not exclude the possibility of extrajudicial revision of contractual provisions by agreement of the parties). The rationality of the retroactivity of the updated terms of the contract is proven, but as a general, not an exclusive rule (according to the author, it would be justified to recognize the court's ability to extend the effect of the transformative decision in whole or in part to the future). The study of the issue of the conjugation of the provisions of paragraph 4 of Article 178 and Article 157.1 of the Civil Code of the Russian Federation ends with the conclusion that it is inappropriate to qualify the consent of the counterparty of the mistaken party as a type of approval (in the sense of Article 157.1 of the Civil Code of the Russian Federation).

Keywords: misrepresentation; recovery (convalidation) of an invalid contract; void contract; voidable contract; good faith; contract stability; consent to maintain contract in force; changes to contract; retroactivity; consent to the transaction.

Cite as: Povarov YuS. The Mechanism for Convalidation of a Contract entered into due to Misrepresentation, with the Consent of the Counterparty to Maintain its Force. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(1):111-120. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.111-120.

Порочное формирование воли субъекта по поводу совершения сделки вследствие существенного заблуждения в вопросах факта или права традиционно считается одним из серьезных оснований для инвалидации юридического акта. Тем не менее признание подобной сделки недействительной, будучи эффективным инструментом «разрешения коллизии (здесь и далее курсив в цитатах наш. — Ю. П.) между интересами заблуждающегося и... оборота»¹, не является единственно возможным (а порою — и адекватным) сценарием реагирования на сделочный дефект. В частности, в соот-

ветствии с п. 4 ст. 178 ГК РФ сделка не должна признаваться недействительной, когда другая сторона выражает *согласие на сохранение силы сделки* на тех условиях, из представления о которых исходила сторона, действовавшая под влиянием заблуждения (и тогда суд, отказывая в требовании об аннулировании сделки, формулирует в своем решении ее условия).

Достаточно распространенным в доктрине стало восприятие обозначенного «реабилитационного» механизма в качестве **особой вариации исцеления** (конвалидации, оздоровления, исправления) **сделки**² (так, В. В. Байбак и А. Г. Ка-

¹ Зезекало А. Ю. Заблуждение при совершении сделки: европейская правовая традиция и современное российское право : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2008. С. 9.

² Данная идентификация — в ракурсе объединения «под одной вывеской» случаев устранения пороков не только ничтожности, но и оспоримости сделок — в целом отторжения не вызывает. Впрочем, мыслима и

рапетов пишут о том, что «пункт 4... допускает исцеление дефекта сделки»³; Е. Е. Богданова указывает на закрепление в п. 4 ст. 178 ГК РФ специального способа *оздоровления* оспоримой сделки⁴). При этом многие аспекты его реализации (юридико-фактическая основа, темпоральные характеристики, соотношение со смежными институтами и пр.) сохраняют полемичность и (или) пробельность.

Вообще, анализируемый конструкт, позволяющий избежать, как правильно заключает Я. Н. Важин, грубого искажения «смысла назначения (имеющего охранительную направленность. — Ю. П.) института недействительности сделки»⁵, выступает зримым **проявлением принципов добросовестности** (учет интересов не только заблуждавшейся стороны, а и ее контрагента, соглашающего с «нейтрализацией» последствий ошибочных представлений, бесспорно, «способствует, — как точно констатируют В. В. Байбак и А. Г. Карапетов, — соблюдению принципа добросовестности»⁶), а равно

стабильности договора (в п. 4 ст. 178 ГК РФ резонно фиксирует Е. Е. Богданова, «законодатель учитывает добросовестное поведение стороны, которая готова принять те условия, из которых исходила заблуждавшаяся сторона», и в этом находит «отражение принцип *стабильности... договора*»⁷; по справедливым словам А. А. Иванова, дача согласия на основании п. 4 ст. 178 ГК РФ влечет «сохранение силы... сделки, обеспечивающее ее *незыблемость*»⁸).

Названные краеугольные начала получили свое воплощение и в других законоположениях «реабилитационного» толка, так или иначе сопряженных с подтверждением силы сделки ее участником. В частности, абзац 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ содержит запрет на оспаривание сделки стороной, из поведения которой явствует ее воля сохранить силу сделки, по основанию, о котором данная сторона знала или должна была знать при проявлении воли. Оставляя за скобками дискуссионный вопрос о (не)приложимости приведенной нормы к сделкам, совершенным

иная догматическая интерпретация: например, по мнению М. В. Смирновой, собственно об исцелении имеет смысл говорить сугубо в отношении ничтожных сделок, когда последним придается юридическая сила (при подтверждении же оспоримой сделки просто утрачивается право на ее оспаривание) (см.: Смирнова М. В. Исцеление недействительности формы сделки в российском и германском гражданском праве // Бизнес в законе. 2015. № 6. С. 59).

Разницу названных последствий «преодоления» пороков ничтожности и оспоримости четко и резонно подчеркивает Д. О. Тузов; тем не менее применительно к обоим вариантам ученый рассуждает об *исцелении* сделки (см.: Тузов Д. О. Общие учения теории недействительных сделок и проблемы их восприятия в российской доктрине, законодательстве и судебной практике : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006. С. 48).

³ Байбак В. В., Карапетов А. Г. Анализ проблемных вопросов применения ст. 178 ГК РФ об оспаривании сделки в связи с существенным заблуждением // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 9. С. 92.

⁴ См.: Богданова Е. Е. Новеллы гражданского законодательства о недействительности сделок с позиции добросовестности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. С. 85.

⁵ Важин Я. Н. О некоторых аспектах сделок, совершенных под влиянием заблуждения // Юрист. 2015. № 10. С. 23.

В самом деле, ненаступление правовых эффектов сделки в условиях устранения ошибки выглядит несколько странно.

⁶ Байбак В. В., Карапетов А. Г. Указ. соч. С. 93.

⁷ Богданова Е. Е. Новеллы гражданского законодательства о недействительности сделок с позиции добросовестности. С. 85.

⁸ Иванов А. А. Незыблемость договора (*pacta sunt servanda*) и его недействительность // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 12. С. 39.

под влиянием заблуждения (например, В. А. Короткова дает положительный ответ⁹, тогда как Е. М. Тужилова-Орданская и В. Е. Лукьяненко полагают, что дальнейшее оспаривание сделки по мотиву заблуждения «не будет злоупотреблением правом»¹⁰), акцентируем внимание на том, что указанные правила вовсе не пересекаются: в абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ исцеляющий эффект связывается с соответствующей оценкой поведения потенциального *истца*, в то время как пункт 4 ст. 178 ГК РФ обуславливает сохранение силы сделки активностью *ответчика* (и в этом измерении указанные нормы органично дополняют друг друга).

Область применения обсуждаемого «реабилитационного» механизма законодателем прямо *не ограничивается*. Помимо прочего, суды принципиально допускают обращение в нему даже при заблуждении касательно природы сделки (классический пример — оформление отношений договором купли-продажи в условиях подразумеваемого одной из сторон договора аренды¹¹); правда, при таком широком истолковании могут возникнуть трудноразрешимые «технические» вопросы (необходимость нотариального удостоверения сделки и пр.). Невзирая на сказанное, *утверждение об абсолютной универсальности положений п. 4 ст. 178 ГК РФ* (в срезе сферы их действия), пожалуй, **сомнительно**: в частности, сложно представить возможность сохранения силы сделки (с адаптацией ее условий) в ситуации неверной оценки фигуры контрагента либо сопутствующих совершению сделки обстоятельств (см. пп. 4 и 5 п. 2 ст. 178 ГК РФ); ясно, что изучаемый кон-

структ сориентирован главным образом на случаи ошибочного понимания *контента* сделки.

Обращает на себя внимание «безапелляционность» действия предусмотренного пунктом 4 ст. 178 ГК РФ механизма «ограничения оспаривания»¹²: при изъяслении контрагентом заблуждавшейся стороны согласия **сделка**, как гласит закон, **не может быть признана недействительной**, т.е. свобода усмотрения суда в части решения вопроса о (не)возможности уничтожения ущербной сделки полностью умалывается (ср., к примеру, с положениями п. 5 ст. 178 ГК РФ, в соответствии с которыми при нераспознаваемости заблуждения «суд *может* отказать в признании сделки недействительной»). Отмеченная безусловность, думается, четко корреспондирует идее надлежащего противодействия недобросовестному поведению и принципу обеспечения стабильности гражданско-правового договора.

Корневой особенностью исследуемого варианта исцеления является то, что сделка не просто сохраняется, но и приобретает новые содержательные очертания, т.е. по факту имеет место изменение договора, хотя и весьма своеобразным манером (положения п. 4 ст. 178 ГК РФ явно не укладываются в стандартную схематику изменения или расторжения договора, раскрываемую в гл. 29 ГК РФ). Данные обстоятельства диктуют важность четкого установления набора юридических фактов, опосредующих корректировку договорных положений, а равно бесспорного определения темпоральных параметров действия «обновленных» условий сделки.

Юридико-фактическая основа изучаемой трансформации довольно нетривиальна, а ее

⁹ См.: Короткова В. А. Эстоппель в гражданском праве // Опыты цивилистического исследования : сборник статей / отв. ред. А. М. Ширвиндт, Н. Б. Щербаков. М. : Статут, 2018. Вып. 2. С. 280.

Из этого же посыла исходят Модельные правила европейского частного права: в ст. II-7:201 определяется, что прямое или косвенное принятие стороной последствий заблуждения исключает ее право оспаривать договор (Модельные правила европейского частного права / науч. ред. Н. Ю. Рассказова. М. : Статут, 2013).

¹⁰ Тужилова-Орданская Е. М., Лукьяненко В. Е. Конвалидация недействительных сделок в российском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 534.

¹¹ См.: определения Верховного Суда РФ от 15.01.2019 № 49-КГ18-60 и от 13.03.2018 № 18-КГ18-9.

¹² Зезекало А. Ю. Новое в правилах о недействительности сделок, совершенных под влиянием заблуждения // Закон. 2015. № 9. С. 75.

описание по-прежнему вызывает полемику в науке. Выставление в качестве неперемного условия исцеления сделки изъявления контрагентом заблуждавшейся стороны своего согласия отчасти свидетельствует о достижении между означенными субъектами **соглашения**. Об этом, к примеру, прямо пишет А. А. Карпова: в предписаниях п. 4 ст. 178 ГК РФ автор усматривает «отдельные элементы дозволения *сторонам* влиять на природу сделки» и, сверх того, возможность «конвалидации сделки... по *соглашению сторон*»¹³. Договорной парадигмы, видимо, придерживается Е. Е. Богданова, которая, комментируя разбираемые законоположения, заключает о недопустимости инвалидации сделки, «если *стороны согласны* на сохранение сделки на тех условиях, исходя из которых действовала заблуждавшаяся сторона»¹⁴.

Между тем имеются весомые аргументы в пользу иной — **«антидоговорной» — трактовки** (которая кажется нам предпочтительной — по крайней мере по формальным соображениям). Во-первых, в п. 4 ст. 178 ГК РФ подразумевается, что *заблуждавшаяся сторона желает* именно *аннулировать*, а не сохранения правовой связи (иначе зачем ей было бы обращаться в суд с иском о признании сделки недействительной), а потому едва ли действия данного субъекта могут быть квалифицированы в качестве действий оферента либо акцептанта. Мало того, заблуждавшаяся сторона *может даже возражать против сохранения силы*

сделки, но это, по смыслу изучаемых нормативных указаний, само по себе отнюдь не является помехой для отказа в иске: подобное поведение, как небеспричинно подчеркивают В. В. Байбак и А. Г. Карапетов, несет в себе отпечаток недобросовестности, и «несогласие... не препятствует вынесению преобразовательного решения суда об изменении условий сделки вместо ее аннулирования. Иначе в норме не было бы... смысла, так как заключить мировое соглашение... сторонам... ничего не препятствует»¹⁵.

Во-вторых, принципиальное значение отводится позиции не истца, а ответчика, который и должен выразить согласие на сохранение силы сделки¹⁶. Данное *согласие есть односторонний юридический акт с*, образно говоря, собственной «подоплекой» (он совершается не реактивно, т.е. в ответ на предложение истца новеллировать сделочные условия, а инициативно).

Заметим, что для текущей законодательной модели *фактор (не)добросовестности контрагента заблуждавшейся стороны оказывается юридически иррелевантным*: это лицо может как знать (либо должно было знать)¹⁷, так и не знать о наличии заблуждения¹⁸, но данное обстоятельство принимается в расчет при определении лишь дополнительных имущественных последствий инвалидации сделки (см. абз. 2 п. 6 ст. 178 ГК РФ). Наверное, это не совсем справедливо: «при установлении недобросовестности... договор, — небеспопченно размышляет Е. Е. Богданова, — не может быть конвалидиро-

¹³ См.: Карпова А. А. Досудебный порядок урегулирования споров о признании сделки недействительной и о применении последствий недействительности в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 3. С. 10.

¹⁴ Богданова Е. Е. Новеллы гражданского законодательства о недействительности сделок с позиции добросовестности. С. 85.

¹⁵ Байбак В. В., Карапетов А. Г. Указ. соч. С. 93.

¹⁶ Солидаризируемся с тем, что подобное согласие может быть отражено в возражениях на иск (т.е. обязательной подачи встречного иска не требуется) (см.: Байбак В. В., Карапетов А. Г. Указ. соч. С. 93).

¹⁷ Но, конечно, он не должен был недобросовестно вводить в заблуждение, ибо в таком случае речь уже идет об обмане. Об этом, в частности, см.: Коломиец Е. А. Заблуждение и обман как условия недействительности сделок : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. С. 6.

¹⁸ Еще дальше идут Модельные правила европейского частного права, которые в качестве обязательного условия оспаривания сделки называют факт того, что другая сторона способствовала возникновению заблуждения (либо заключению договора под влиянием заблуждения определенным недобросовестным образом) или же сама находилась под влиянием данного заблуждения (см.: ст. II.-7:201).

ван даже при заключении его к выгоде слабой стороны, поскольку это будет способствовать недобросовестности»¹⁹; впрочем, положения ст. 10 ГК РФ о негативных последствиях злоупотребления правом могут применяться и в названном казусе.

Не раскрытым в Кодексе остался аспект способов (формы) изъявления согласия. Уверены, что по смыслу законоположений речь идет исключительно о явно выраженном санкционировании в словесной форме (т.е. ни конклюдентные действия, ни молчание не могут быть рассмотрены как согласие); данный постулат (рациональность которого, по существу, мы не ставим под сомнение), наряду с прочим, достаточно рельефно вытекает из сопоставления правил п. 4 ст. 178 ГК РФ с «исцелительными» положениями абз. 4 п. 2 ст. 166 и п. 5 ст. 166 ГК РФ (где говорится об анализе поведения субъекта, а не его волеизъявления).

В-третьих, сохранение силы сделки производится под эгидой и при *содействии суда*: несмотря на «вторичность» его активности (без выражения согласия ответчиком суд, конечно, не может разбирать вопрос об «исправлении» сделки), условия сделки указываются в решении суда.

Дискреционные возможности суда не сто́ит преувеличивать: законодатель не случайно упоминает именно об указании (а не об определении) условий сделки, в русле чего задача судебной инстанции сводится, по сути, к установлению и «верификации» положений, которые имело в виду заблуждавшееся лицо при

совершении сделки; очевидно, что содержание таких сделочных условий выявляется судом прежде всего по результатам оценки заявления истца, при этом ответчик должен полностью их принять (либо доказать, что предметом заблуждения были другие моменты). В этом контексте суд не может сформулировать условия, отличающиеся от тех, из которых исходила заблуждавшаяся сторона (у контрагентов, кстати, также «фактически... отсутствует... [подобная] возможность, поскольку законодательством не предусмотрено изменение условий сделки на такие, которые отличаются от первоначальных представлений»²⁰), а равно от положений, с которыми согласился ответчик²¹. Имеется в виду обязательность соблюдения означенных требований в совокупности, по причине чего пункт 4 ст. 178 ГК РФ не подлежит применению, если, к примеру, выдвинутые ответчиком условия не соответствуют условиям, подразумеваемым в момент совершения сделки истцом.

В поле зрения законодателя, к сожалению, не попали **временные параметры действия** разбираемого конструкта. С одной стороны, в свете отказа в признании недействительной уже совершенной сделки присутствуют поводы для вывода об **адекватности ретроактивного эффекта** (об этом, в частности, заявляют, хотя и небезоговорочно, В. В. Байбак и А. Г. Карапетов, приводя в пример положения п. 1 ст. II.-7:203 Модельных правил европейского частного права²² (далее — Модельные правила ЕЧП)).

С другой стороны, неизбежная трансформация условий оспариваемой сделки априорно не

¹⁹ Богданова Е. Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 16.

Заметим, что автор обсуждает вопрос применительно к исцелению ничтожных сделок, тогда как статья 178 ГК РФ оговаривает оспоримость сделки, совершенной под влиянием заблуждения; несмотря на это, экстраполяция цитируемого тезиса на нашу ситуацию видится вполне уместной.

²⁰ Вагин Я. Н. О некоторых аспектах сделок, совершенных под влиянием заблуждения. С. 23.

²¹ Последнее видится оптимальным решением В. В. Байбаку и А. Г. Карапетову, заявляющим о нелогичности применения судом насилия в отношении воли ответчика посредством отступления от содержания его предложения и определения иных условий (см.: Байбак В. В., Карапетов А. Г. Указ. соч. С. 94).

²² См.: Байбак В. В., Карапетов А. Г. Указ. соч. С. 94.

Заметим, однако, что Модельные правила ЕЧП все-таки буквально не озвучивают данный тезис (хотя из правил п. 1 ст. II.-7:203 он опосредованно вытекает); кроме того, данные положения приурочены к изменению договора во внесудебном порядке.

предполагает разумности их действия с обратной силой с точки зрения сбалансированного учета интересов всех сторон (скажем, при увеличении цены предмета договора, подлежащей уплате при заключении договора купли-продажи, может возникнуть вопрос об ответственности за просрочку внесения платы). Поэтому **отказывать суду в возможности распространить действие своего преобразовательного решения** (полностью или в части) **на будущее время**, наверное, **не стоит** (к слову, пункт 3 ст. II.-7:203 Модельных правил ЕЧП, посвященный судебному порядку изменения договора в ситуации, когда обе стороны находились под влиянием идентичного заблуждения, не содержит указаний о действии скорректированных судом договорных условий *ex tunc* или, наоборот, *ex nunc*). При любом раскладе затронутый момент нуждается во внятном законодательном нормировании (с установлением, как представляется, общего правила об обратной силе, но с допущением возможности отхода от него).

Как уже отмечалось, реализация предписаний п. 4 ст. 178 ГК РФ приводит к фактическому изменению условий договора *под контролем суда*. В этом плане интересно и здраво предложение Я. Н. Важина о закреплении в ГК РФ возможности — в качестве альтернативы признания сделки недействительной — ее изменения или расторжения: ученый рекомендует дополнить п. 4 ст. 178 ГК РФ указанием на недопустимость инвалидации сделки в случае, когда «стороны выразят согласие на изменение условий сделки или на ее расторжение»; данный вариант развития событий действительно «соответствует основным началам гражданского законодательства»²³.

Вместе с тем **изменение или расторжение договора по соглашению сторон**²⁴ (а именно этот способ «преобразования» договорной свя-

зи подразумевается процитированным автором) **не возбраняется** и текущим законодательством (причем осуществление этой возможности, полагаем, будет опосредовать поражение права заблуждавшейся стороны на оспаривание сделки); данный тезис не умаляется и выработанной в судебной практике правовой позицией, в соответствии с которой изменение и расторжение легитимны лишь в отношении договора, являющегося действительным (отсюда вытекает, что договор, признанный недействительным, не способен к изменению или расторжению, — см. определение Верховного Суда РФ от 25.06.2013 № 18-КГ13-42), поскольку в нашей ситуации речь ведется об *оспоримости* сделки, недействительность которой детерминирована вынесением соответствующего конститутивного судебного решения.

Изложенные рекомендации близки (но не тождественны) положениям **Модельных правил ЕЧП**, которые в качестве базового определяют **внесудебный «протокол» изменения договора** в случае заблуждения: своевременное производство контрагентом заблуждавшейся стороной исполнения либо даже выражение готовности произвести исполнение возникших обязательств в соответствии с «желаниями» заблуждавшегося лица знаменует, во-первых, «автоматическую» корректировку условий договора («договор *считается* заключенным таким, каким его понимала заблуждающаяся сторона») и, во-вторых, утрату заблуждавшимся лицом права на оспаривание договора (см. п. 1, 2 ст. II.-7:203). Российский же законодатель, повторимся, следует концепту пересмотра условий сделки (естественно, при согласии на то контрагента заблуждавшейся стороны) под «надзором» суда в рамках рассмотрения спора о признании сделки недействительной, не запрещая при этом досудебное изменение договора по соглашению сторон

²³ См.: Важин Я. Н. О некоторых аспектах сделок, совершенных под влиянием заблуждения. С. 23–24 ; Он же. Правовое регулирование недействительных сделок, совершенных с нарушением требований к субъективной стороне сделки (на примере статей 174, 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации) : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2015. С. 11–12, 14.

²⁴ Гипотетически можно порассуждать и о судебном порядке изменения или расторжения договора по требованию одной из сторон; вместе с тем подобный расклад видится несколько однобоким, так как по факту он позволяет отстаивать интересы только заблуждавшегося лица.

(притом что нормы о регламенте такого изменения оказываются более строгими, нежели приведенные положения, закрепленные в Модельных правилах ЕЧП, например в части способа изъятия воли участниками сделки²⁵); «незрелости» либо догматической необоснованности данного «дуалистичного» режима изменения условий сделки, совершенной под влиянием заблуждения, мы не усматриваем.

Кроме того, Модельные правила ЕЧП предусматривают **судебный порядок изменения договора**, но он рассчитан на случаи, когда *обе стороны находились под влиянием одинакового заблуждения* (здесь суд, причем по требованию любой из сторон, может привести договор в соответствие с тем, о чем стороны могли бы разумно договориться при невозникновении заблуждения) (см. п. 3 ст. II.-7:203). Данная неизвестная отечественному законодательству «опция», предполагающая наделение суда ограниченными дискреционными полномочиями, видится достаточно сбалансированной и полезной (и может быть учтена при совершенствовании положений российского ГК РФ).

Наконец, актуальным остается вопрос о **сопряжении исследуемой конструкции с универсальным институтом согласия на совершение сделки** (ст. 157.1 ГК РФ), распространяющим свое действие, в частности, на разрешительные волеизъявления *третьих лиц*, в том числе выражаемые постфактум (одобрение). Некоторые ученые рассматривают раскрываемый в п. 4 ст. 178 ГК РФ случай исцеления как **разновидность одобрения сделки**²⁶.

Однако **считать** упоминаемое в п. 4 ст. 178 ГК РФ **согласие контрагента** заблуждавшейся стороны **видом согласия третьего лица на совершение сделки**, с нашей точки зрения, все-таки **неприемлемо**, поскольку: а) названный контрагент есть **непосредственный участник сделки** (пусть и с пороком воли противополож-

ной стороны), что исключает оправданность его рассмотрения в качестве третьего лица (субъектный аспект); б) он изъясляет согласие на *сохранение силы уже совершенной сделки*, а не на собственно совершение сделки (предметный ракурс); в) разбираемое нами «подтверждение... ведет к прекращению права на оспаривание» (ведь факт наличия заблуждения в процессе совершения сделки никуда не исчезает), тогда как «согласие, — по резонному заявлению В. А. Коротковой, — устраняет само основание для оспаривания»²⁷ (функциональный аспект).

Затронутый спорный момент сигнализирует о востребованности продолжения глубокой научной разработки проблематики, относящейся к институту согласия на совершение сделки (в том числе в плоскости четкого установления границ его применения).

Кратко резюмируя сказанное, позволим себе утверждать, что:

1) своеобразие предусмотренного в п. 4 ст. 178 ГК РФ «реабилитационного» механизма, имеющего широкую область применения и выступающего ярким проявлением принципов добросовестности и стабильности договора, состоит прежде всего в том, что изначально дефектная сделка не просто сохраняется, а приобретает новое содержание;

2) корректировку договорных положений на основании п. 4 ст. 178 ГК РФ неверно считать заключением между сторонами соглашения об изменении условий сделки (в частности, по причине того, что сохранение силы сделки происходит под контролем суда);

3) логична ретроактивность действия «обновленных» условий сделки, но в качестве общего, а не исключительного правила (с учетом оправданности признания за судом возможности распространить действие преобразовательного решения полностью или в части на будущее время);

²⁵ Напомним, что в силу «производности» соглашения об изменении (расторжении) договора форма такого соглашения «в стандарте» совпадает с формой изменяемого (расторгаемого) договора (см.: п. 1 ст. 452 ГК РФ).

²⁶ Так, А. А. Иванов констатирует, что в п. 4 ст. 178, как и в п. 1 ст. 183 ГК РФ, говорится «о последующем одобрении сделки надлежащим лицом (его согласии на сделку)» (Иванов А. А. Указ. соч. С. 39).

²⁷ Короткова В. А. Указ. соч. С. 281.

4) квалификация согласия контрагента заблуждавшейся стороны в качестве разновидности одобрения в смысле предписаний ст. 157.1 ГК РФ крайне сомнительна (по мотивам субъектного, предметного и функционального характера);

5) закрепляемый в п. 4 ст. 178 ГК РФ способ изменения условий сделки в рамках рассмотрения спора о признании ее недействительной не исключает досудебного изменения договора по соглашению сторон.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Байбак В. В., Карапетов А. Г. Анализ проблемных вопросов применения ст. 178 ГК РФ об оспаривании сделки в связи с существенным заблуждением // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2017. — № 9. — С. 70–102.
2. Богданова Е. Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2010. — 63 с.
3. Богданова Е. Е. Новеллы гражданского законодательства о недействительности сделок с позиции добросовестности // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2016. — № 8. — С. 80–86.
4. Вазин Я. Н. О некоторых аспектах сделок, совершенных под влиянием заблуждения // Юрист. — 2015. — № 10. — С. 22–25.
5. Вазин Я. Н. Правовое регулирование недействительных сделок, совершенных с нарушением требований к субъективной стороне сделки (на примере статей 174, 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2015. — 26 с.
6. Зезекало А. Ю. Заблуждение при совершении сделки: европейская правовая традиция и современное российское право : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Томск, 2008. — 26 с.
7. Зезекало А. Ю. Новое в правилах о недействительности сделок, совершенных под влиянием заблуждения // Закон. — 2015. — № 9. — С. 73–88.
8. Иванов А. А. Незыблемость договора (pacta sunt servanda) и его недействительность // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2020. — № 12. — С. 31–43.
9. Карпова А. А. Досудебный порядок урегулирования споров о признании сделки недействительной и о применении последствий недействительности в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. — 2017. — № 3. — С. 6–10.
10. Коломиец Е. А. Заблуждение и обман как условия недействительности сделок : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2005. — 24 с.
11. Короткова В. А. Эстоппель в гражданском праве // Опыт цивилистического исследования : сборник статей / отв. ред. А. М. Ширвиндт, Н. Б. Щербаков. — М. : Статут, 2018. — Вып. 2. — С. 231–312.
12. Смирнова М. В. Исцеление недействительности формы сделки в российском и германском гражданском праве // Бизнес в законе. — 2015. — № 6. — С. 58–64.
13. Тужилова-Орданская Е. М., Лукьяненко В. Е. Конвалидация недействительных сделок в российском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2019. — Вып. 45. — С. 519–539.
14. Тузов Д. О. Общие учения теории недействительных сделок и проблемы их восприятия в российской доктрине, законодательстве и судебной практике : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Томск, 2006. — 66 с.

Материал поступил в редакцию 7 марта 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Baybak V. V., Karapetov A. G. Analiz problemnykh voprosov primeneniya st. 178 GK RF ob osparivanii sdelki v svyazi s sushchestvennym zabluzhdeniem // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2017. — № 9. — S. 70–102.
2. Bogdanova E. E. Dobrosovestnost uchastnikov dogovornykh otnosheniy i problemy zashchity ikh subektivnykh grazhdanskikh prav: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. — M., 2010. — 63 s.
3. Bogdanova E. E. Novelly grazhdanskogo zakonodatelstva o nedeystvitelnosti sdelok s pozitsii dobrosovestnosti // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2016. — № 8. — S. 80–86.
4. Vazhin Ya. N. O nekotorykh aspektakh sdelok, sovershennykh pod vliyaniem zabluzhdeniya // Yurist. — 2015. — № 10. — S. 22–25.
5. Vazhin Ya. N. Pravovoe regulirovanie nedeystvitelnykh sdelok, sovershennykh s narusheniem trebovaniy k subektivnoy storone sdelki (na primere statey 174, 178 i 179 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2015. — 26 s.
6. Zezekalo A. Yu. Zabluzhdenie pri sovershenii sdelki: evropeyskaya pravovaya traditsiya i sovremennoe rossiyskoe pravo: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — Tomsk, 2008. — 26 s.
7. Zezekalo A. Yu. Novoe v pravilakh o nedeystvitelnosti sdelok, sovershennykh pod vliyaniem zabluzhdeniya // Zakon. — 2015. — № 9. — S. 73–88.
8. Ivanov A. A. Nezyblemost dogovora (pacta sunt servanda) i ego nedeystvitelnost // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2020. — № 12. — S. 31–43.
9. Karpova A. A. Dosudebnyy poryadok uregulirovaniya sporov o priznanii sdelki nedeystvitelnoy i o primenении posledstviy nedeystvitelnosti v arbitrazhnom protsessе // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess. — 2017. — № 3. — S. 6–10.
10. Kolomiets E. A. Zabluzhdenie i obman kak usloviya nedeystvitelnosti sdelok: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — Krasnodar, 2005. — 24 s.
11. Korotkova V. A. Estoppel v grazhdanskom prave // Opyty tsivilisticheskogo issledovaniya: sbornik statey / otv. red. A. M. Shirvindt, N. B. Shcherbakov. — M.: Statut, 2018. — Vyp. 2. — S. 231–312.
12. Smirnova M. V. Istselenie nedeystvitelnosti formy sdelki v rossiyskom i germanskom grazhdanskom prave // Biznes v zakone. — 2015. — № 6. — S. 58–64.
13. Tuzhilova-Ordanskaya E. M., Lukyanenko V. E. Konvalidatsiya nedeystvitelnykh sdelok v rossiyskom prave // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2019. — Vyp. 45. — S. 519–539.
14. Tuzov D. O. Obshchie ucheniya teorii nedeystvitelnykh sdelok i problemy ikh vospriyatiya v rossiyskoy doktrine, zakonodatelstve i sudebnoy praktike: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. — Tomsk, 2006. — 66 s.